

ФОРМЫ И МЕТОДЫ КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРО-ВОСТОКА СССР В 1930–1950-е гг.: ДАЛЬСТРОЙ

Анализируются количественные и качественные характеристики процессов, протекавших на северо-востоке СССР в 1920–1950-е гг. Их содержание поможет решить вопрос о сущности форм и методов государственной политики в регионе и определить ее характер.

Ключевые слова: освоение; «вторая волна колонизации»; Северо-Восток России; Дальстрой.

Дефиниция «колонизация», применительно к российской истории, имела неодинаковое содержание в различные периоды истории отечественной науки и общественно-политической мысли. Обращает на себя внимание распространение этого термина как в дореволюционное время, так и в период, предшествующий Второй мировой войне. Исследователи (Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, В.И. Ленин, С.В. Бахрушин, С.Б. Окунь и др.), оценивая, например, досоветскую колонизацию Сибири и Дальнего Востока, говорили о ней как о колониальной политике [1–6].

Советской России «в наследство» достались достаточно серьезные колонизационные проблемы, чем может быть объяснен живой интерес исследователей к названной проблематике. Многие из них, чьи взгляды формировались еще в дореволюционное время, увидели в плановой экономической системе возможности всестороннего развития окраин нашей страны. Ведущую роль в этом, с их точки зрения, должно было играть государство. А.А. Ярилов писал: «Что касается колонизации – в современных условиях человеческого общежития она должна мыслиться только как совокупность мероприятий плановой государственной политики» [7. С. 6]. И.Л. Ямзин и В.П. Вошинин в 1926 г. определили колонизацию как процесс заселения и использования производительных сил недонаселенных и экономически недоразвитых территорий значительными массами людей, эмигрирующих из более густо населенных областей [8. С. 4]. Однако, подчеркивая возможности централизованного планирования развития регионов СССР в интересах всего народного хозяйства в целом, И.Л. Ямзин и В.П. Вошинин специально указывали на то, что «колонизация ныне, в отличие от дореволюционной, трактуется в качестве, прежде всего, способа развития производительных сил нуждающихся в этом местностей» [8. С. 86]. Следовательно, ученые вполне справедливо настаивали на обязательном учете не только интересов государства, но и его составных частей при разработке планов экономического развития. В понятие «колонизация» (в отношении советских окраин), таким образом, вносилось принципиально иное содержание, которое, кстати, использовалось во многих официальных ведомственных документах того времени. К дореволюционной колонизационной практике оно продолжало применяться в прежнем негативном понимании «колониальной политики царизма».

Но после Второй мировой войны дефиниция «колонизация» исчезает из исследовательского лексикона, т.к. стала считаться противоречащей сущности общественных отношений в СССР [9. С. 231]. Ее постепенно вытеснило понятие «освоение», обозначающее суть политики советского государства на северных и восточ-

ных окраинах страны. Более того, оно оказалось (воспользуемся словами М.Н. Покровского) «опрокинутым в прошлое» и стало применяться и по отношению к политике царской России на окраинных территориях. Традиционно понимавшееся в негативном контексте колониальной политики понятие «колонизация» было, таким образом, заменено идеологически нейтральным понятием «освоение». Причиной тому, думается, явились существенные изменения в государственной идеологии, все больше приобретающей в то время имперский характер. Поэтому понятие «освоение», как представляется, в использовании его советской исторической наукой стало не столько «рабочей» дефиницией, сколько идеологемой.

Однако следует ли полностью отказываться от употребления понятия «освоение»? С одной стороны, как идеологема эта дефиниция не может быть включена в инструментарий историка-исследователя. С другой, как нам кажется, отказываться от понятия, уже устойчиво вошедшего в обиход, было бы не совсем продуктивно. Думается, что здесь возможно следующее решение. Понятие «колонизация» должно обозначать собственно процесс открытия, заселения и использования естественных богатств территории, т.е. выражать количественные характеристики изучаемого нами явления. А качественные характеристики его результативности могут быть отражены как минимум двумя полярными дефинициями: «колония» (страна или территория, находящаяся под властью какого-либо государства, лишенная экономической и политической самостоятельности, управляемая на основании специального режима) [10. С. 517] или «освоенная территория» (район, где целенаправленно сформирована комфортная и устойчивая социальная среда, которая характеризуется наличием устойчивой и эффективной производственной и социальной инфраструктуры, стабильной структуры оседлых и постоянных трудовых ресурсов). Иными словами, «освоенный» – значит устойчиво и комфортно обжитый. Таким образом, понятия «колония» и «освоенная территория» как различные могут отражать качество включения новых территорий в общее экономическое, политическое и социальное пространство общества.

Отнесение ранее необжитых районов к тому или другому положению (результату колонизации) – «колония» или «освоенный район» – возможно исключительно лишь с помощью привлечения конкретных исторических данных, отражающих суть государственной политики в новых районах страны. Поэтому нам представляется важным обратиться к анализу количественных и качественных характеристик процессов, протекавших на Северо-Востоке СССР в 1920–1950-е гг.

Именно отталкиваясь от их содержания, можно решить вопрос о сущности форм и методов государственной политики в регионе, определить ее характер.

Изучение истории Северо-Востока России в указанный период будет, как представляется, адекватным в случае рассмотрения ее в двух основных контекстах. С одной стороны, методы формирования социальной среды (окружающих человека общественных, материальных и духовных условий существования и деятельности) в регионе определялась изменчивыми целевыми установками государственной политики в указанное время. С другой – нельзя не видеть в ней возобновления колонизационной политики, результаты которой на Дальнем Востоке к 1930-м гг. прошлого века вряд ли можно считать удовлетворительными. Такая постановка проблемы позволяет вводить понятие «второй волны колонизации» для обозначения содержания государственной политики 1930–1950-е гг. на Северо-Востоке России. Вполне очевидно, что оно может быть отнесено и к подавляющему большинству дальневосточных (и северных) территорий России.

Судьбоносным для дальнейшей судьбы региона стало открытие богатых месторождений золота в верховьях Колымы Первой колымской геологоразведочной экспедицией под руководством Ю.А. Билибина 1928–1929 гг. [11. С. 48–56]. Полученные исследователями данные стали особенно актуальны в условиях реализации форсированной индустриализации страны. Именно этим обстоятельством было вызвано коренное изменение содержания процессов второй волны колонизации Севера-Востока России. Внешне они выглядели исключительно хозяйственными (освоение и эксплуатация месторождений ценного минерального сырья). Но в течение 1930–1950-х гг. они протекали в условиях, когда, по справедливому мнению В. Подороги, «российская империя, завершившая в “сталинскую эпоху” переход от внешней “постранственной-географической” колонизации к внутренней колонизации, приобретала все более жесткие тоталитарные формы» [12. С. 109].

Государством была поставлена задача «штурма Севера», форсированной, не считавшейся ни с чем эксплуатации запасов природных ископаемых. Поэтому институциональным оформлением второй волны колонизации региона в указанный период стала экстерриториальная организация, получившая чрезвычайные полномочия по управлению экономической и социально-политической жизнью его огромной территории – Дальстрой [13. С. 155–189].

11 ноября 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О Колыме». В целях форсирования золотодобычи в верховьях Колымы оно предписало образовать специальный трест с непосредственным подчинением ЦК ВКП(б). Определяя приоритетные направления деятельности новой организации, постановление указывало: «...всемерно форсируя разведку по Колымским приискам, использовать все возможности, способы и средства для немедленной и максимальной добычи золота в нынешнем и последующих годах, одновременно подготавливая базу для развертывания капитальных работ по нормальной эксплуатации районов». Программа золотодобычи на Колыме, определенная советским руководством на последующее бли-

жайшее время, была весьма напряженной: к концу 1931 г. – 2 т, в 1932 г. – 10 т, в 1933 г. – 25 т [14. Оп. 162. Д. 1. Л. 57, 59].

Следуя за решением ЦК ВКП(б), 13 ноября 1931 г. СТО СССР принимает постановление «Об организации государственного треста по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы «Дальстрой» [15. Ф. 5674. Оп. 1. Д. 47. Л. 129]. Трест получил колоссальное количество льгот и полномочий, далеко выходящих за пределы действовавшего законодательства. Одновременно территория деятельности Дальстроя была выделена в особую административную единицу. Ее площадь в 1932–1935 гг. составляла около 400–450 тыс. км², в 1941 г. – 2266 тыс. км². В марте 1938 г. Дальстрой был передан в состав НКВД СССР [15. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 22. Л. 246], а в марте 1953 г. – Министерству металлургической промышленности.

Таким образом, вторая волна колонизации на Северо-Востоке содержательно была одним из сюжетов расширения реального властного и экономического пространства в пределах имевшихся границ государства. Но этот процесс имел ряд существенных отличий. Прежде всего, это касается роли государства в колонизационных процессах. В предшествующее XX в. время первенство в колонизации окраин принадлежало вольному переселению. Н.М. Ядринцев отмечал: «Мы в праве считать Сибирь по преимуществу продуктом вольнонародной колонизации, которую впоследствии государство утилизировало и регламентировало» [1. С. 190]. Исследователь рассматривал колонизацию Сибири как сложный и многоплановый процесс, но первенство все же отдавал именно вольнонародной колонизации. В 1930–1950-е гг. ситуация в корне изменилась. Государство уже не шло вслед за самостоятельно продвигавшимся на окраины населением, утилизируя и используя результаты его деятельности. Напротив, именно оно стало инициатором колонизационного процесса, оно определяло формы и методы его осуществления, именно оно присваивало результаты производства в новых районах.

Советское государство использовало традиционные для досоветской России чрезвычайные методы «штрафной колонизации» для развития производительных сил северных окраин. Еще в дореволюционный период, как отмечал Н.М. Ядринцев, «...ссылными заселяли места крайне дурные, неблагоприятные и неудобные для культуры, – такие места, куда не хотели идти вольные колонисты» [2. С. 546]. Однако если для свободной колонизации было характерно волнообразное развитие, то использование принудительного труда ссылных и каторжников постоянно росло.

С начала 1930-х гг. стала быстро расти численность заключенных исправительно-трудовых лагерей, чей труд использовался в целях форсированного создания основ советской индустрии. В рамках реализации этой политики для обеспечения Дальстроя рабочей силой 1 апреля 1932 г. приказом ОГПУ СССР был создан Северовосточный лагерь [16. Д. 1. Л. 8]. Вместе с Дальстроем, которому он был подчинен, Севвостлаг (СВИТЛ) пережил не одну реорганизацию, но всегда жестко выдерживался принцип создания его подразделений практически при любом производственном предприятии Дальстроя.

Численность заключенных, занятых в горнодобывающей промышленности, дорожном, промышленном и гражданском строительстве Дальстроя, постепенно росла: 9928 чел. на конец 1932 г., 80258 чел. на конец 1937 г., 176685 чел. на конец 1940 г. [16. Д. 6. Л. 55]. В годы войны по причине освобождения заключенных, направления их в действующую армию и смертности она сократилась – 73,7 тыс. чел. на 1 июня 1944 г. [16. Д. 166. Л. 24]. Но после войны она вновь имела тенденцию к росту: в 1952 г. среднесписочная численность заключенных здесь составила 185,2 тыс. чел. [16. Д. 1809. Л. 13]. Наряду с УСВИТЛОм в 1948 г. территории деятельности Дальстроя был организован Особый (Береговой) лагерь МВД № 5 [15. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 261. Л. 79 об.]. Несколько позже сюда были вывезены участники строек «атомного проекта» СССР. В соответствии с постановлением СМ СССР № 3071-1272 сс от 14 июля 1949 г. они должны были работать в качестве вольнонаемных по договору на 2–3 года. Но их положение было близко к положению заключенных [17. С. 227].

Другим «каналом» привлечения рабочей силы для обеспечения работ Дальстроя была вербовка добровольцев, призванная обеспечить производство квалифицированными специалистами. Однако и сюда тоталитарный режим вносил свои уродливые коррективы, ибо привлечение вольнонаемных работников на предприятия Дальстроя становилось возможным исключительно при условии «отсутствия компрометирующих материалов». При наличии последних въезд на Колыму указанным лицам запрещался. Поэтому, например, в 1939–1942 гг. план завоза на Колыму вольнонаемных специалистов хронически не выполнялся. Так, в 1939 г. он был выполнен на 85%, в 1940 г. – на 92, в 1941 г. – на 44,2, а в 1942 г. – на 22,1%. В 1946 г. план вербовки «инженеров, техников и практиков» был выполнен на 58%, в 1947 г. – на 83,5%, в 1948 г. – на 67, в 1949 г. – на 86%.

В течение 1930–1950-х гг. Дальстрой действовал как чрезвычайная организация, распространявшая свои властные полномочия на огромную территорию, неподконтрольную конституционным органам государственной власти. Этот тезис подтверждается текстом постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 26 октября 1932 г., установившим компетенцию директора (позже начальника), включавшую исполнение административных функций по руководству районом Дальстроя и руководство парторганизацией в качестве уполномоченного Крайисполкома и Далькрайкома ВКП(б) [14. Оп. 3. Д. 905. Л. 53]. Руководитель Дальстроя был еще и уполномоченным ОГПУ (в 1934–1938 гг. – НКВД) СССР на территории региона.

Весьма показательны в этом отношении неудачные попытки создания на Северо-Востоке обычной для СССР системы территориальных советских и партийных органов. В 1937 г. на III партконференции Дальстроя, где ряд делегатов предложили реформировать парторганизацию треста на основе Устава ВКП(б), директор Дальстроя Э.П. Берзин весьма жестко отреагировал на это предложение: «Товарищи говорили относительно создания Областного комитета партии. Вряд ли будет правильно, если мы пойдем по этой линии. Мое личное мнение таково, то Колыме нужна партор-

ганизация порядка военной организации... основная масса рабочей силы – заключенные. Вот почему я и говорю, что нам нужна организация порядка военной организации. Будет ли Политуправление – это было бы неплохо, но оно должно быть чисто военного оттенка» [17]. Несколько позже, по ходатайству Хабаровского крайкома партии и крайисполкома, Президиум Верховного Совета РСФСР указом от 14 июля 1939 г. создал в составе Хабаровского края Колымский округ с центром в Магадане, одновременно преобразованном в город [18]. Однако И.В. Сталин освобождение Дальстроя от руководства гражданской и политической жизнью Северо-Востока и превращение его в обычное производственное управление назвал схематичным и нежизненным. Он особо подчеркнул, что «В Москве мыслится Дальстрой... как комбинат специального типа, работающий в специфических условиях использования исключительно или почти исключительно уголовных людей», чья «...специфика требует особых условий работы, особой дисциплины, особого режима» [19. С. 154–155]. В результате вмешательства Сталина Колымский округ был ликвидирован.

Много позже первый секретарь Магаданского обкома КПСС П.Я. Афанасьев констатировал, что вплоть до 1953 г. «полноправных партийных и советских органов здесь не было» [20. С. 11]. Таким образом, можно говорить о специальном режиме управления огромной территорией на северо-восточных окраинах СССР в течение 30–50-х гг. XX в. На Северо-Востоке действовала власть Дальстроя – государства в государстве.

Результаты двадцатипятилетней деятельности Дальстроя внешне выглядят более чем впечатляющими. Геологическими исследованиями в этот период было охвачено более 1,9 млн км², или 68% общей территории Дальстроя в его границах на 1 января 1956 г.; добыто золота 1148,4 т, олова – 62,3 тыс. т, вольфрама – 3 тыс. т, кобальта – 398 т, свыше 10 млн т каменного и бурого угля для собственных нужд; общий объем горных работ, связанных с добычей цветных металлов, за 25 лет составил около 600 млн м³. На обогатительных фабриках было переработано свыше 15 млн т руды; организовано в общей сложности 78 золотодобывающих и 20 оловодобывающих приисковых комплексов, 8 золотодобывающих рудников и фабрик с суммарной производительностью свыше 2000 т руды в сутки, 18 олово-вольфрамовых и кобальтовых рудников и фабрик с суммарной производительностью свыше 4000 т руды в сутки [16. Д. 460. Л. 3, 5, 7]. Тем не менее представляется возможным считать, что не тонны добытых природных ископаемых (количественные показатели) могут быть оценены как критерий эффективности форм и методов государственной политики на территории региона в исследуемый период. Речь должна идти, как отмечалось выше, о качественных результатах развития социальной среды региона, характере его включения общее экономическое, социальной и политическое пространство страны.

«Штурм Севера» в его дальстроевском варианте, по нашему мнению, не привел Северо-Восток к положению освоенной территории. Добыча минеральных ресурсов в изучаемый период в целом имела хищнический характер, ибо рационального и бережного извле-

чения ценных видов сырья не происходило. С самого начала своего существования Дальстрой стремился разрабатывать преимущественно наиболее богатые россыпные месторождения золота, дававшие максимальный выход продукции при минимальных затратах. Порочность такой практики уже в 1934 г. отметил Ю.А. Билибин, утверждая, что большинство геологических работ, выполненных к тому времени в Колымском крае, отличались низким качеством. Стремление к большому перевыполнению даже ударных норм, всегда поддерживаемое администрацией, в ущерб работе, – все это привело к тому, «что уже в настоящее время возникает необходимость переобследования некоторых, лишь недавно обследованных районов» [21. С. 212]. На 1956 г. было зафиксировано то же положение дел [16. Ф. Р-23 сс. Оп. 1. Д. 459. Л. 6].

Вследствие этого в послевоенный период истории началось постепенное снижение количества добывавшегося в регионе золота, одной из важнейших причин которого стало «разубоживание» золотых россыпей. Так, если в 1932 и 1933 гг. среднее содержание золота составляло 31,6 и 40,9 г на м³ породы соответственно, то в 1950 и 1951 гг. – 5,6 и 5,2 г на м³. При этом объем переработки горной массы к 1934 г. достиг 1 млн м³, а в 1950 и 1951 гг. он составил 36 и 42 млн м³ соответственно [16. Д. 3. Л. 5]. Приведем другой пример. В 1941 г. при добыче золота 75,8 т было переработано 21,4 млн м³ горной массы, а в 1956 г. при добыче 38,8 т. было переработано 40,2 млн м³ породы. Соответственно возрастала и себестоимость добываемого золота. В 1941 г. она составила 8,3 руб., а в 1956 г. – 25,5 руб. за грамм [16. Д. 460. Л. 11]. Примерно такая же динамика характеристик выполненных горных работ отмечается и для оловодобычи. Поэтому во второй половине 1940 – начале 1950-х гг. Дальстрой вошел в полосу структурного кризиса, основным содержанием которого стал кризис его основной (горной) отрасли.

Другой особенностью деятельности Дальстроя, препятствовавшей подлинному освоению Северо-Востока было, как мы указывали выше, использование методов штрафной колонизации: основой его трудовых ресурсов были заключенные УСВИТЛа, Берлага, другие группы подневольных работников. В послевоенный период, когда стали постепенно сниматься ограничения на право выезда на «материк», руководство Дальстроя было вынуждено принимать чрезвычайные меры для воспрепятствования оттоку кадров. Так, по данным на 12 июля 1949 г., в 13 подразделениях Дальстроя (в их число не входят горные предприятия) работали 8145 бывших заключенных, из которых 5320 имели право выезда на «материк». Однако дефицит кадров приводил к тому, что не могли быть уволены «по производственной необходимости и отсутствия замены» 4722 чел., или 88,76% [16. Д. 5203. Л. 14–45]. Даже отбывшие наказание бывшие заключенные не могли покинуть Северо-Восток.

Только с 1953 г. в связи с амнистией и окончанием сроков наказания из лагерей, обслуживавших Дальстрой, освободились и уехали 67,4 тыс. чел., еще 5,7 тыс. заключенных были переведены в другие лагеря. Таким образом, Дальстрой покинули 73,1 тыс. чел. [16. Д. 1809. Л. 50]. Вместе с тем были сняты ограничения в отношении

18,5 тыс. чел. бывших заключенных, спецпоселенцев и особого контингента, работавших по вольному найму [16. Д. 1809. Л. 1]. Особенно тяжелым в этой связи становилось положение оловодобывающих предприятий, которые теряли 49% наличного состава работников [16. Д. 1809. Л. 3].

На 1 сентября 1955 г. общая численность работников Дальстроя составляла лишь 55% от численности на 1 января 1952 г. [16. Д. 503. Л. 155]. Общим стремлением бывших заключенных было покинуть Дальстрой. В 1955 г. в письме родным заключенный В.К. Соболев отмечал: «Решительно не хочу даже, чтобы мой труп лежал в этом проклятом богом краем» [22. С. 42]. Нередко освобождение заключенных парализовало работу целых предприятий Дальстроя. Так, например, в июле – августе 1956 г. в Тенькинском горнопромышленном управлении было освобождено 1200 чел. Вследствие этого на прииске «Ветренный» было остановлено полностью на длительное время 6 промысловых приборов, на прииске «Бодрый» – 4 прибора, а часть приборов была переведена в односменную работу [16. Д. 4897. Л. 7]. Попытки администрации Дальстроя ликвидировать кадровый голод в 1950-е гг. были отчаянными. Для этого использовались все возможные средства: заключение договоров с бывшими заключенными, вербовка рабочей силы на «материке», общественные призывы на Колыму, распределение выпускников ссузов и вузов и т.д. В 1957 г. отмечалось, что за 1951–1955 гг. на завоз рабочих из центральных районов страны Дальстроем израсходовано 487 млн руб., но и при этом «устойчивых кадров вольнонаемных рабочих на приисках еще не создано» [16. Д. 459. Л. 10–11].

Важнейшей причиной такого положения, думается, было крайне низкое качество имевшейся в регионе социальной инфраструктуры. Бытовые условия и, прежде всего, обеспеченность жильем не соответствовали потребностям вольнонаемного населения. На 21 мая 1953 г. жилой фонд Дальстроя составлял 716 тыс. м² с числом проживающих 145,6 тыс. чел. (4,9 м² на человека). В каменных зданиях (47,2 тыс. м²) проживало 7970 чел. (5,9 м² на человека), в деревянных рубленых зданиях (565,3 тыс. м²) – 106325 чел. (5,3 м² на человека), в каркасно-засыпных (временных) зданиях, подлежащих сносу (103,5 тыс. м²), – 29278 чел. (3,5 м² на человека). При этом в каменных зданиях было размещено лишь 5% вольнонаемного состава, не было обеспечено жильем вовсе около 12 тыс. чел., количество которых должно было увеличиться в связи с вербовкой до 37 тыс. [16. Д. 1809. Л. 6].

Изменившиеся в 1950-е гг. социально-политические условия усиливали полномасштабный кризис Дальстроя, точнее кризис чрезвычайной модели колонизации Северо-Востока. В такой ситуации руководство Дальстроя, чьи административно-управленческие навыки были сформированы в предшествующее время, оказалось растерянным и дезориентированным. И.о. начальника Дальстроя М.В. Груша 10 сентября 1956 г. прямо констатировал «полную неясность перспективы дальнейшего развития этой системы и особенно ее ведущей отрасли – металлодобывающей промышленности» [16. Д. 447. Л. 7].

Практика деятельности Дальстроя, как представляется, явила собой пример «колониационного бесси-

лия», о котором говорил А.А. Кауфман в одной из своих речей в 1907 г. [23. С. 162]. Колоссальные объемы добывавшегося здесь минерального сырья не способствовали действительному обживанию края, созданию здесь высокотехнологичных отраслей промышленности и эффективной социальной инфраструктуры. Она (эта практика) лишь воспроизводила привычные образцы экстенсивного способа ведения хозяйственной деятельности, результаты которого ярко обозначились уже под занавес эпохи Дальстроя.

Все изложенное, по нашему мнению, убедительно свидетельствует о том, что в течение 1930–1950-х гг. Северо-Восток России не стал освоенной (т.е. устойчи-

во обжитой) территорией. Ибо эффективной и комфортной социальной среды, структуры постоянных и оседлых трудовых ресурсов здесь создано не было. Регион в это время играл роль внутренней сырьевой колонии, чьи ценные минеральные ресурсы использовались промышленно развитым центром для обеспечения собственных имперских интересов, иллюзий и утопий. Думается, что сегодня, в условиях становления системы российского федерализма, учет исторического опыта второй волны колонизаций Севера может быть чрезвычайно актуальным в силу того, что в настоящее время многие дальневосточные и северные районы нуждаются в разумной колонизационной политике.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892.
2. *Ядринцев Н.М.* Русская община в тюрьме в ссылке. СПб., 1872.
3. *Потанин Г.Н.* Нужды Сибири // Сибирь. Ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908.
4. *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 592–596.
5. *Бахрушин С.В.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1927.
6. *Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.* Л., 1935.
7. *Ярилов А.А.* Пути колонизационного строительства // Труды Государственного колонизационного научно-исследовательского института. М., 1924. Т. 1.
8. *Ямзин И.Л., Воицинин В.П.* Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926.
9. *Валентей Д.И., Хорев Б.С.* Проблемы расселения и территориальный принцип в планировании // Проблемы развития производительных сил Магаданской области: Материалы Второго научного совещания по проблемам развития и размещения производительных сил Магаданской области. Магадан, 1969.
10. *Советская историческая энциклопедия.* М., 1965. Т. 7.
11. *Широков А.И.* Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. Магадан, 2000.
12. *Подорога В.* ГУЛАГ в уме. Наброски и размышления // Досье на цензуру. Страна и ее заключенные. 1999. № 7–8.
13. *Широков А.И.* Формы и методы государственной политики на Российском Севере. 1930–1950 (на примере Северо-Востока России) // Факторы устойчивого развития регионов России / Под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск, 2008.
14. *Российский государственный архив современной политической истории (РГАСПИ).* Ф. 17.
15. *Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).*
16. *Государственный архив Магаданской области (ГАМО).* Ф. Р-23 сс. Оп. 1.
17. *Губарев В.* Белый архипелаг Сталина. М., 2004.
18. *Центр хранения современной документации Магаданской области (ЦХСД МО).* Коллекция документов. Советская Колыма. 1939. 18 июля.
19. *История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов: В 7 т.* М., 2004. Т. 2.
20. *Афанасьев П.Я.* Коммунисты в борьбе за освоение богатств Северо-Востока // Десять лет Магаданской области. Магадан, 1963.
21. *Билибин Ю.А.* О перспективах золотоносности Колымского района // Билибин Ю.А. Избр. тр.: В 3 т. М., 1961. Т. 3.
22. *Соболев В.К.* Письма с Колымы. М., 2000.
23. *Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. Речь на диспуте (1907) // Кауфман А.А. Сборник статей. Община. Переселение. Статистика. М., 1915.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 апреля 2009 г.